

Артур Конан
ДОЙЛ
(18.5.9 - 19.30)

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Артур Конан

ДОЙЛ

*Самые знаменитые
расследования
Шерлока Холмса*

Москва

2017

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д62

Перевод с английского *И. Гуровой*

Оформление *Н. Ярусовой*

В оформлении переплета
использованы фрагменты репродукции афиши
немого фильма «Шерлок Холмс» (1922)
с Джоном Бэрримором в заглавной роли

Дойл, Артур Конан.

Д62 Самые знаменитые расследования Шерлока Холмса / Артур Конан Дойл ; [пер. с англ. И. Г. Гуровой] . — Москва : Издательство «Э», 2017. — 608 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-699-92869-9

Английский писатель, публицист и журналист Артур Конан Дойл вошел в мировую литературу в первую очередь как создатель самого Великого Сыщика всех времен и народов — Шерлока Холмса. Благородный и бесстрашный борец со Злом, обладатель острого ума и необыкновенной наблюдательности, с помощью своего дедуктивного метода сыщик решает самые запутанные головоломки, зачастую спасая этим человеческие жизни. Он гениально перевоплощается, обладает актерским даром и умеет поставить эффектную точку в конце каждого блестяще проведенного им расследования.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-92869-9

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ПРИКЛЮЧЕНИЕ «СКАНДАЛ В БОГЕМИИ»

I

Для Шерлока Холмса она всегда Та женщина. Я редко слышал, чтобы он упоминал ее как-то иначе. В его глазах она затмевает и повергает в прах весь свой пол. Нет, не то чтобы он испытывал к Ирен Адлер чувство, сходное с любовью. Все эмоции, а эта особенно, были неприемлемы для его холодного, точного и превосходно уравновешенного интеллекта. Он, как я понимаю, был идеальнейшей логично рассуждающей и наблюдающей машиной, какую только видел мир, но в роли влюбленного он поставил бы себя в фальшивое положение. В разговорах он никогда не касался нежных чувств, разве что с презрительной усмешкой и колкостями. Однако наблюдателю они служили отличным подспорьем, чтобы срывать покров с людских побуждений и поступков. Но натренированному логике допустить подобное вторжение в собственный тонкий и сложно сбалансированный темперамент значило бы создать отвлекающий фактор, могущий поставить под сомнение все достижения его разума. Песок в чувствительном приборе или трещинка в одном из его собственных увеличительных стекол повредили бы им не меньше, чем какая-нибудь сильная эмоция такой натуры, как его. И, тем не менее, одна-единственная женщина для него существовала, и женщиной этой была покойная Ирен Адлер сомнительной и двойственной репутации.

Последнее время я редко виделся с Холмсом. Мой брак отдалил нас друг от друга. Собственное безоблачное счастье и сосредоточенные на домашнем очаге интересы, владеющие мужчиной, впервые ставшего главой семьи, поглощали меня целиком. Тогда как Холмс, чей богемный дух не терпел какого-либо общества, оставался в нашей квартире на Бейкер-стрит, погребенным в своих старинных книгах, переходя из недели в неделю от кокаина к сосредоточенности на очередном деле, от вызванной наркотиком дремотности к яростной энергичности его неумемной натуры. Он по-прежнему был глубоко увлечен изучением преступлений и сосредоточивал свои колоссальные способности и необычайный дар наблюдательности на исследовании тех улик и разъяснении тех тайн, которыми официальная полиция прекращала заниматься, объявляя их безнадежными.

Время от времени до меня доходили сведения о делах, им раскрываемых: о его вызове в Одессу в связи с убийством Трепова, о том, как он разобрался в загадочной трагедии братьев Аткинсонов в Тринокмали, и, наконец, о миссии, которую он столь тактично и успешно выполнил по поручению королевского дома Голландии. Помимо этих свидетельств его деятельности, которые я всего лишь делил с остальными читателями газет, я практически ничего не знал о моем недавнем друге и товарище.

Как-то вечером 20 марта 1888 года на обратном пути от пациента (я теперь возобновил практику) я оказался на Бейкер-стрит. Увидев достопамятную дверь, навсегда связанную для меня с моей женой и с мрачными эпизодами «Этюда в багровых тонах», я ощутил непреодолимое желание повидать Холмса и узнать, на что он тратит свои экстраординарные способности. Его комнаты были ярко освещены, и, взглянув на них, я дважды увидел, как темный силуэт его высокой худощавой фигуры мелькнул за опущенной шторой. Он расхаживал по комнате быстро, целеустремленно, опустив голову на грудь и заложив руки за спину. Мне, хорошо знакомому со всеми его настроени-

ями и привычками, этот его вид и движения сказали о многом. Он опять работал. Он вырвался из наркотических грез и подбирал ключ к решению какой-то новой проблемы. Я позвонил в дверь и поднялся в квартиру, часть которой когда-то была моей.

Встретил он меня сдержанно (его обычная манера), хотя, думаю, он был рад увидеть меня. Почти без единого слова, но с дружественным взглядом, он указал мне на кресло, пододвинул портсигар и кивнул на винный шкафчик и сифон в углу. Затем встал перед камином и оглядел меня своим особым интроспективным взглядом.

— Брак идет вам на пользу, — сказал он. — По-моему, Ватсон, с тех пор как я видел вас в последний раз, вы прибавили в весе семь с половиной фунтов.

— Семь, — поправил я.

— Да? Мне кажется, чуть побольше. Самую чуточку, думается мне, Ватсон. И снова практикуете, как вижу. А вы не говорили мне, что намерены снова запрячься.

— Так откуда вы знаете?

— Я это вижу. Вывожу дедуктивно. Откуда мне известно, что вы недавно сильно вымокли, а ваша служанка очень неуклюжа и небрежна?

— Мой дорогой Холмс, — сказал я, — это уж чересчур. Живи вы на несколько веков раньше, вас непременно сожгли бы. Мне, правда, в четверг пришлось совершить загородную прогулку, и домой я вернулся в жутком виде, но поскольку я сменил одежду, то не понимаю, каким образом вы узнали про это. Что до Мэри-Джейн, она неисправима, и жена как раз отказала ей от места, но, опять-таки, не вижу, как вы могли это установить.

Он усмехнулся про себя и потер ладони длинных нервных рук.

— Ничего нет проще, — сказал он. — Мои глаза говорят мне, что на подошве вашего левого башмака, там, где на нее падает отблеск пламени, тянутся шесть почти параллельных царапин. Совершенно очевидно, что появились они оттого, что кто-то с большой небрежностью

отскребал там засохшую грязь. Отсюда, как видите, мой двойной вывод: вас настигла непогода, и ваша обувь оказалась во власти особо вредного для нее образчика лондонской служанки. А что до вашей практики, так когда ко мне входит джентльмен, благоухающий йодоформом, с темным пятном от ляписа на правом указательном пальце и с выпуклостью с бока цилиндра, указывающей, куда он припрятал свой стетоскоп, я был бы полным тупицей, если бы не определил, что он — активный член медицинской профессии.

Я не мог не засмеяться легкости, с какой он объяснил процесс этой дедушки.

— Когда я слышу ваши доводы, — заметил я, — разгадка всегда кажется мне столь до нелепости простой, что кажется, будто я сам мог бы сделать тот же вывод, однако всякий раз я оказываюсь в тупике, пока вы не объясните ход ваших рассуждений. А ведь глаза у меня, полагаю, не хуже ваших.

— Совершенно верно, — ответил он, закуривая сигарету и опускаясь в кресло. — Вы видите, но вы не наблюдаете. Разница очевидна. Например, вы часто видели ступеньки, по которым поднимались сюда из прихожей?

— Да, часто.

— И как часто?

— Ну, сотни раз.

— Так сколько их всего?

— Сколько всего? Не знаю.

— Вот именно! Вы не наблюдали, хотя и видели. Как раз об этом я и говорю. Ну, а я знаю, что ступенек семнадцать, так как и видел, и наблюдал. Кстати, поскольку вас интересуют эти задачки и поскольку вы столь любезно описали два-три моих пустячных расследования, вас, возможно, заинтересует вот это.

Он перебрал мне лист плотной бумаги розоватого оттенка, который лежал развернутый на столике.

— Пришло с последней почтой, — пояснил он. — Прочтите-ка вслух.

Письмо было без даты и без подписи или адреса.

«Будет визит к вам сегодня вечером без четверти восемь, — гласило оно, — джентльмена, который желает посоветоваться с вами по делу глубочайшей значительности. Ваши недавние услуги одному из королевских домов Европы показали, что вы принадлежите к тем, кому можно доверять дела, важность которых едва ли преувеличить можно. Такие отзывы о вас мы отовсюду получили. Так будьте дома в этот час и не удивляйтесь, если ваш визитер в маске будет».

— Таинственно, ничего не скажешь, — заметил я. — Что, по-вашему, оно означает?

— У меня еще нет данных. А строить теории без данных — непростительная ошибка. Незаметно для себя начинаешь подгонять факты под теорию, вместо того чтобы теория подгонялась под факты. Но само письмо. Какие выводы оно вам подсказывает?

Я тщательно рассмотрел почерк и исписанный лист.

— Писавший, предположительно, богат, — сказал я, пытаясь следовать методам моего друга. — Такая бумага стоит не дешевле полукроны за пачку. Она исключительно плотная и жесткая.

— «Исключительно» очень точное слово, — сказал Холмс. — Это вовсе не английская бумага. Поднесите лист к свету.

Я послушался и увидел большое «Е» с маленьким «g», еще «Р» и большое «G» с маленьким «t» в самой текстуре листа.

— К каким выводам вы пришли? — спросил Холмс.

— Без сомнения, имя фабриканта, а вернее, его монограмма.

— Вовсе нет. «G» с маленьким «t» подразумевают «Gesellschaft», немецкое слово, означающее «компания». Обычная аббревиатура, как наше «К°». «Р», естественно, означает «Papier» — «бумага». Теперь «Eg». Заглянем в наш Континентальный справочник. — Он снял с полки тяжелый коричневый том. — Эглоу... Эглониц... А, вот! Эгрия. Не-

мецкоязычное государство в Богемии по соседству с Карлсбадом. «Примечательно как место смерти Валленштейна и многочисленными стекольными и бумажными фабриками...» Ха-ха, мой мальчик, какой вывод вы сделаете из этого?

Его глаза торжествующе заблестели, и он послал к потолку триумфальное облако табачного дыма.

— Бумага была изготовлена в Богемии, — сказал я.

— Именно так. А писавший — немец. Вы заметили необычное построение фраз? «Такие отзывы о вас мы отовсюду получали». Француз или русский так не написал бы. Это немцы столь неучтиво обходятся со своими глаголами. Поэтому остается только узнать, что требуется немцу, который пишет на богемской бумаге и предпочитает носить маску, лишь бы не показывать свое лицо. А вот, если не ошибаюсь, и он, прибывший разъяснить все наши недоразумения.

Его слова сопровождал резкий цокот лошадиных копыт и скрежет колес о кромку тротуара, а затем раздался нетерпеливый звонок в дверь. Холмс присвистнул.

— Пара, судя по звуку, — сказал он. И продолжал, взглянув из окна: — Да, симпатичный маленький кабриолет и пара красавцев. Сто пятьдесят гиней каждый. Это дело сулит деньги, Ватсон, если и ничего больше.

— Думаю, мне лучше уйти, Холмс.

— Вообще нет, доктор. Сидите, где сидите. Без моего Босуэлла я теряюсь. А это обещает быть интересным. Жаль будет, если вы не поприсутствуете.

— Но ваш клиент...

— Не имеет значения. Ему, как и мне, может понадобиться ваша помощь. Сядьте в кресло, доктор, и одарите нас вашим полным вниманием.

Медленные тяжелые шаги, доносившиеся с лестницы и из коридора, стихли у самой двери. Раздался громкий властный стук.

— Войдите! — сказал Холмс.

Вошел мужчина ростом никак не меньше шести футов шести дюймов с телосложением Геркулеса. Одежда

его говорила о богатстве настолько, что в Англии это выглядело равносильным дурному вкусу. Широкие полосы каракуля были нашиты на рукава и лацканы его двубортного сюртука, а наброшенный на плечи синий плащ шелголял подкладкой из огненно-алого шелка и был застегнут у шеи брошью, состоявшей из одного огненного берилла. Сапоги, достигавшие половины икр, были вверху отделаны пышным коричневым мехом и довершали впечатление варварского богатства, о котором свидетельствовал весь его облик. В руке он держал широкополую шляпу. А верхнюю часть его лица, вплоть до скул, закрывала черная маска фокусника, которую он, очевидно, только что надел, так как его рука все еще оправляла ее, когда он входил. Нижняя открытая часть лица говорила о сильном характере; толстая оттопыренная нижняя губа и длинный прямой подбородок указывали на волю, граничащую с упрямством.

— Вы получили мое письмо? — спросил незнакомец глубоким властным басом и с очень сильным немецким акцентом. — Я предупредил вас, что приеду.

Он переводил взгляд с Холмса на меня, словно не зная, к кому обратиться.

— Прошу вас, садитесь, — сказал Холмс. — Это мой друг и коллега доктор Ватсон, который иногда любезно помогает мне в моих расследованиях. С кем я имею честь говорить?

— Можете обращаться ко мне как к графу фон Крамму, богемскому аристократу. Как я понял, этот джентльмен ваш друг, человек чести, которому я могу довериться в деле чрезвычайной важности. Если нет, то я предпочту говорить с вами наедине.

Я поднялся, чтобы уйти, но Холмс сжал мое запястье и толкнул назад в кресло.

— Либо мы вместе, либо никто, — сказал он. — В присутствии этого джентльмена вы можете говорить все, что сочтете нужным сообщить мне.

Граф пожал широкими плечами.

— Тогда я должен сначала, — сказал он, — обязать вас обоих хранить то, что вы услышите, в строжайшей тайне в течение двух лет. По истечении этого срока такая надобность отпадет. Пока же не будет преувеличением сказать, что весомость этого дела колоссальна и оно может повлиять на ход европейской истории.

— Обещаю, — сказал Холмс.

— Я тоже.

— Вы извините эту маску, — продолжал наш необычный визитер, — но августейшая особа, прибегнувшая к моим услугам, желает, чтобы его посредник остался неизвестен вам, и я сразу же могу сознаться, что титул, который я назвал, мне, собственно, не принадлежит.

— Я это знал с самого начала, — сухо сказал Холмс.

— Обстоятельства крайне щекотливы, и необходимо принять все меры, чтобы предотвратить то, что сможет перерасти в неслыханный скандал и бросить тень на одну из правящих фамилий Европы. Короче говоря, речь идет о великом Доме Ормштейнов, потомственных королей Богемии.

— Я знал и это, — пробормотал Холмс, устраиваясь в кресле поудобнее и закрывая глаза.

Наш визитер с явным недоумением уставился на расслабленную вялую фигуру человека, которого ему, несомненно, рекомендовали как самого дотошного логика и самого энергичного сыщика в Европе. Холмс открыл глаза и нетерпеливо поглядел на своего великана-клиента.

— Если бы, ваше величество, вы соизволили изложить ваше дело, — сказал он, — мне было бы проще дать вам совет.

Наш визитер вскочил с кресла и прошелся по комнате в неопишемом волнении. Затем с жестом отчаяния он сорвал с лица маску и швырнул ее на пол.

— Вы правы, — вскричал он, — я король! Зачем мне пытаться скрывать это?

— Действительно, зачем? — прожурчал Холмс. — Ваше величество еще и слова не сказали, когда я уже знал, что обращаюсь к Вильгельму Готтсрейху Сигизмунду фон

Ормштейну, великому герцогу Кассель-Фельштейна и наследственному монарху Богемии.

— Но вы можете понять, — сказал наш странный визитер, вновь садясь и проводя белой рукой по высокому лбу, — вы можете понять, что я не привык лично вести подобные переговоры. Однако дело настолько деликатно, что поручи я его посреднику, то оказался бы во власти этого посредника. Я приехал из Праги инкогнито, чтобы посоветоваться с вами.

— Так прошу вас, советуйтесь, — сказал Холмс и вновь закрыл глаза.

— Факты вкратце таковы. Пять лет назад во время длительного визита в Варшаву я познакомился с известной авантюристкой Ирен Адлер. Имя это вам, несомненно, знакомо.

— Будьте добры, отыщите ее в моей картотеке, доктор, — пробормотал Холмс, не открывая глаз. В течение многих лет он имел привычку заносить на карточки все сведения о людях и предметах, и было бы трудно назвать тему или лицо, о которых он не сумел бы немедленно дать необходимую информацию. И теперь я нашел ее биографию втиснутой между раввином и штабным офицером, написавшим монографию о глубоководных морских рыбах.

— Дайте мне взглянуть, — сказал Холмс. — Гм! Родилась в Нью-Джерси в пятьдесят восьмом году. Контральто... гм! Ла Скала, гм! Примадонна Варшавской императорской оперы... Ага! Покинула оперные подмостки... ха! Проживает в Лондоне... Вот-вот! Ваше величество, насколько я понимаю, были в связи с этой молодой особой, написали ей несколько компрометирующих писем, а теперь желали бы получить эти письма назад.

— Именно так. Но каким...

— Тайный брак?

— Ничего подобного.

— Какие-нибудь юридические документы? Заверенные письменные обязательства?

— Ничего подобного.

— В таком случае я не понимаю вашего величества. Если эта молодая особа и использует свои письма в целях шантажа или каких-либо иных целях, как она сможет доказать их подлинность?

— Но почерк?

— Пф! Пф! Подделан.

— Моя личная бумага.

— Украдена.

— Моя личная печать.

— Имитация.

— Моя фотография.

— Куплена.

— На фотографии мы сняты вместе.

— О Господи! Вот это скверно! Ваше величество действительно допустили большую неосторожность.

— Я был безумен, сходил с ума.

— Вы скомпрометировали себя очень серьезно.

— Я был тогда лишь кронпринцем. Я был молод. Мне и сейчас всего тридцать.

— Фотографию необходимо вызволить.

— Мы пытались и потерпели неудачу.

— Вашему величеству придется заплатить. Фотографию надо выкупить.

— Она не соглашается.

— Ну, так украсть.

— Пять неудачных попыток. Дважды нанятые мною взломщики обшарили ее дом. Один раз мы во время какой-то ее поездки обыскали багаж. Дважды ее подстерегли вне дома. Все безрезультатно.

— Никаких следов фотографии?

— Ни малейших.

Холмс засмеялся.

— Очень милая задачка, — сказал он.

— Но для меня крайне серьезная, — с упреком возразил король.

— Да, весьма. Но что она намерена сделать с фотографией?

— Погубить меня.

— Но как?

— Я собираюсь вступить в брак.

— Да, я слышал.

— С Клотильдой Лотман фон Сакс-Мейнинген, второй дочерью короля Скандинавии. Возможно, вам известны строгие принципы ее семьи. Сама она — воплощение чистоты. Малейший намек, бросающий тень на мое поведение, перечеркивает самую возможность этого брака.

— А Ирен Адлер?

— Угрожает послать им фотографию. И она это делает. Я знаю, что сделает. Вы ее не знаете, но душа у нее стальная. Лицо красивейшей из женщин, а характер самого решительного из мужчин. Она ни перед чем не остановится, лишь бы я не вступил в брак с другой женщиной. Ни перед чем.

— Вы уверены, что она ее еще не послала?

— Уверен.

— Почему?

— Потому что она сказала, что пошлет ее в день официального объявления о помолвке, а оно назначено на следующий понедельник.

— О, так у нас есть еще три дня, — сказал Холмс, зевая. — Очень удачно, так как и мне сейчас надо завершить парочку неотложных дел. Ваше величество, несомненно, пока останется в Лондоне.

— Конечно. Вы найдете меня в «Лэндхеме» под именем графа фон Крамма.

— Я отправлю вам туда записку сообщить, насколько мы продвинулись.

— Будьте так добры. Меня замучает тревога.

— Что касается денег..

— В вашем распоряжении карт-бланш.

— Без ограничений?

— Говорю же вам, я бы отдал любую провинцию моего королевства, лишь бы получить эту фотографию.

— А на текущие расходы?